

Научная статья

УДК 343.713

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности

Роман Николаевич Боровских¹

Ольга Валерьевна Шмыгина²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Сибирский университет потребительской кооперации
Новосибирск, Россия

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам квалификации преступлений, сопряженных с угрозами уничтожения или повреждения нетипичных видов имущества. Рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки угроз уничтожения или повреждения имущества, не имеющего экономической стоимости, и угроз уничтожения или повреждения имущества, лишенного физического (телесного) признака. В результате проведенного исследования сделаны выводы о том, что оценку уголовной релевантности выше обозначенных угроз следует осуществлять на основании концепции «угроза – как объективно-субъективное информационное воздействие».

Ключевые слова

угроза, имущество, уничтожение, повреждение, цифровые права, психическое насилие

Для цитирования

Боровских Р. Н., Шмыгина О. В. Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 74–79. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Qualification of Threats to Destroy or Damage Someone Else's Property when Committing Crimes against Property

Roman N. Borovskikh¹, Olga V. Shmygina²

¹Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russian Federation

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the actual problems of the qualification of crimes involving threats of destruction or damage to atypical types of property. A criminal legal assessment is given of threats to destroy or damage property that has no economic value and threats to destroy or damage property that is devoid of a physical (bodily) attribute. As a result of

the conducted research, it was concluded that the assessment of the criminal relevance of the above-mentioned threats should be carried out on the basis of the concept of «threat – as an objective and subjective informational impact».

Keywords

threat, property, destruction, damage, digital rights, mental violence

For citation

Borovskikh R. N., Shmygina O. V. Qualification of threats to destroy or damage someone else's property when committing crimes against property. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 74–79. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Преступления против собственности являются одной из наиболее распространенных категорий преступлений, где предметом общественно опасного деяния являются как материальные, так и нематериальные ценности, преступное воздействие на которые причиняет или создает угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны [1, с. 75]. Эти деяния наносят ущерб собственникам имущества и обществу в целом. Одним из способов совершения подобных преступлений выступает угроза уничтожения или повреждения чужого имущества. В главе 21 УК РФ угроза уничтожения или повреждения имущества предусмотрена только в составе вымогательства и выражается в требованиях передачи чужого имущества или прав на него, а также в совершении других действий имущественного характера.

Анализ актуальной судебной практики по делам о преступлениях против собственности, где способом совершения преступления являлась угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, показывает, что основные проблемные вопросы квалификации данных преступлений связаны с уголовно-правовой оценкой угроз уничтожения или повреждения нетипичных видов имущества.

Рассмотрим наиболее проблемные вопросы квалификации подобных деяний.

1. Угроза уничтожения или повреждения имущества, не имеющего экономической стоимости, является серьезной проблемой в правоприменительной практике. Хотя угроза совершения таких действий может причинить значительный эмоциональный дистресс и ущерб, ее уголовная релевантность часто зависит от наличия у имущества экономической ценности.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) косвенно указывается, что угроза уничтожения или повреждения имущества при вымогательстве является уголовно наказуемой, только если соответствующее имущество имеет экономическую ценность для потерпевшего. Это привело к спорным позициям среди ученых и практиков относительно того, существуют ли признаки вымогательства, когда ценность имущества незначительна [2, с. 341; 3, с. 151].

Особо ярким примером этой проблемы является вопрос уголовно-правовой оценки неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения [4, с. 132].

В некоторых случаях суды считали такие действия не образующими признаков вымогательства из-за отсутствия у регистрационного номера экономической ценности.

Например, Великоустюгский районный суд Вологодской области осудил С. за вымогательство при следующих обстоятельствах: С. похитил паспорт и другие личные документы у Ч. Потребовал у Ч. 5000 рублей за возврат документов и после отказа Ч. С. угрожал уничтожить паспорт и другие документы.

Суд пришел к выводу, что действия С. образуют состав вымогательства, несмотря на незначительную экономическую ценность документов¹. Это решение основано на том, что документы имеют личную и юридическую ценность, значимую для потерпевшего.

Угроза уничтожения или повреждения имущества без экономической стоимости является серьезным преступлением, которое может причинить значительный ущерб. Хотя наличие экономической ценности имущества является важным фактором при определении уголовной ответственности, суды также ссылаются на личную и юридическую ценность документов и других предметов, не имеющих очевидной экономической стоимости.

Актуальность данного подхода имеет место также в иных подобных случаях, когда, например, вымогательство совершается под угрозой уничтожения (повреждения) государственного регистрационного знака транспортного средства. Принимая во внимание, что с 2014 г. в УК РФ предусмотрена ответственность за неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ), укажем, что в таких ситуациях конкуренция с нормами УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления против собственности, отсутствует, и содеянное подлежит квалификации по совокупности соответствующих преступлений.

2. В настоящее время в судебной практике также существует проблема о правовой оценке угроз уничтожения или повреждения имущества, не имеющего телесной формы и широко используемого в гражданском обороте. Квалификация таких преступлений в уголовных делах, связанных с нарушением права собственности, вызывает некоторые разногласия.

Советским районным судом г. Томска был вынесен приговор в отношении лица, осужденного за совершение преступлений в соответствии с ч. 4 ст. 272 Уголовного кодекса РФ и пунктом «д» ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса РФ². Сообщаются следующие обстоятельства дела.

Виновное лицо, обладающее навыками работы с информационными и компьютерными технологиями, а также знаниями в области компьютерной безопасности и программирования, с помощью предварительно полученных на интернет-ресурсе логинов и паролей к административным учетным записям ООО «Л.», получило неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации данной компании.

Впоследствии Д. заблокировал компьютерную информацию, что привело к тому, что ООО «Л.» не могло работать с ней. Затем Д. отправил электронное письмо ООО «Л.», требуя перевода денежных средств под угрозой сохранения блокировки, уничтожения и повреждения компьютерных систем ООО «Л.». В результате достигнутой договоренности и под воздействием угрозы Д. получил 0,8 единицы криптовалюты, переведенные с электронного кошелька ООО «Л.» на его собственный электронный кошелек.

Кроме того, Д. заблокировал компьютерную информацию ООО «Л.», содержащую коммерческую тайну и персональные данные ее сотрудников. В дальнейшем выдвинул требования о переводе ему еще 2 единиц криптовалюты под угрозой последующей блокировки коммерческой информации ООО «Л.», Д. получил указанные денежные средства на свой электронный кошелек и распорядился ими по своему усмотрению.

Решением суда, рассматривающего действия обвиняемого, была изменена квалификация действий согласно пункту «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ на пункт «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ. При этом отмечено, что действия обвиняемого не влекут угрозы уничтожения или повреждения иму-

¹ Архив Президиум Тульского областного суда. Уголовное дело № 4/13-10/2016. Постановление Тульского областного суда от 09.07.2019 г. / Сайт «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qlkdpd3KGWr5> (дата обращения: 01.03.2024).

² Архив Советского районного суда г. Томска. Уголовное дело № 1-31/2022. Приговор Советского районного суда г. Томска от 23.05.2022 г. / Официальный сайт Советского районного суда г. Томска [Электронный ресурс] // URL: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=88090700&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2024).

щества третьего лица, что не соответствует признакам вымогательства, а, напротив, являются грабежом.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 2 декабря 2022 г. приговор был изменен, и уголовное преследование по пункту «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ в отношении обвиняемого прекращено в связи с отсутствием состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. За обвиняемым было признано право на реабилитацию.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2023 г. приговор и апелляционное определение в части вопросов о вещественных доказательствах, в частности, о возвращении информационного носителя (жесткого диска) близкому родственнику – матери обвиняемого, были отменены, а уголовное дело в этой части было направлено на новое рассмотрение в соответствии с гл. 47 УПК РФ. Однако вопрос о квалификации действий обвиняемого остался без рассмотрения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с указанными решениями, отметив следующее. «Позиция государственного обвинителя, предлагающего квалифицировать действия обвиняемого по завладению денежными средствами как грабеж, поскольку последний требовал от представителей потерпевшего немедленного перечисления денег, угрожая сохранением блокировкой компьютерной информации, но без угрозы уничтожения или повреждения имущества, не соответствует материалам уголовного дела и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 6 и 7 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве», где указывается, что вымогательство считается оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, связанное с указанной в ч. 1 ст. 163 Уголовного кодекса РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего»³.

Представитель потерпевшего и свидетели заявили, что блокировка информации на серверах организации «Л.» лишила ее возможности исполнять взятые на себя обязательства перед партнерами и привела к застою в процессах доставки и отгрузки товаров. Одновременно блокировка баз данных создала реальную угрозу для компании «Л.», грозившую серьезными последствиями.

При изложении обстоятельств преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, в приговоре суд фактически пришел к выводу, что были совершены действия по вымогательству со стороны обвиняемого, поскольку его требования были сопровождаемы угрозами сохранения блокировки, уничтожения и повреждения компьютерных систем компании «Л.» и ее имущества. В результате соглашения, достигнутого под воздействием угрозы, денежные средства были переведены на электронный кошелек обвиняемого. Однако при описании противоправного изъятия денег у компании «Л.» суд указал на совершение грабежа, т. е. открытого хищения чужого имущества, но не раскрыл, каким именно образом были получены денежные средства.

Суд первой инстанции, соглашаясь с неподкрепленной доказательствами позицией государственного обвинителя о квалификации действий обвиняемого как грабежа, допустил противоречия при изложении и правовой оценке фактических обстоятельств дела, связанных с изъятием денег у потерпевшей компании.

Действия Д. были правомерно квалифицированы органами следствия по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ как вымогательство, поскольку, несмотря на отсутствие прямой угрозы уничтожения или повреждения информации организации, создание препятствий для доступа к ней в совокупности с требованием о снятии блокировки лишь при выполнении имуществен-

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 № 88-УДП23-7-К8 / Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2314260 (дата обращения 01.03.2024).

ных требований фактически представляет собой угрозу приведения информации в негодность для использования по назначению, что равнозначно ее уничтожению.

Верховный Суд РФ отметил, что при оценке содеянного не были учтены особенности предмета преступления – цифровой валюты (криптовалюты, в данном случае биткоина) – и способа хищения, включающего использование информационно-коммуникационных технологий. Именно с помощью этих технологий велись переговоры и осуществлялась передача средств – перевод с электронного кошелька криптовалютной биржи на электронный кошелек осужденного.

Ключевой момент в оценке действий Д. заключается в том, что он фактически лишил организацию возможности использовать принадлежащую ей информацию, что эквивалентно ее уничтожению. Такой вывод основан на следующих аргументах.

1. Создание препятствий для доступа к информации. Д. заблокировал доступ к информации, принадлежащей организации, тем самым лишив ее возможности использовать эту информацию по назначению.

2. Выдвижение требования о снятии блокировки в обмен на выполнение имущественных требований. Д. поставил условие, что он снимет блокировку только в случае, если организация выполнит его требования имущественного характера. Это фактически означает, что организация должна была пожертвовать своим имуществом, чтобы восстановить доступ к своей информации.

3. Угроза приведения информации в негодность. Совокупность действий Д. по блокированию доступа к информации и выдвижение ультиматума о снятии блокировки в обмен на выполнение имущественных требований создает обоснованную угрозу уничтожения информации. Поскольку организация не могла получить доступ к своей информации без выполнения требований Д., она фактически была лишена возможности использовать ее.

Подводя итоги, укажем, что оценку уголовной релевантности угроз уничтожения (повреждения) имущества, не имеющего экономической стоимости, а также имущества, лишенного физического (телесного) признака, также следует осуществлять на основании концепции «угроза как объективно-субъективное информационное воздействие». При таком подходе ошибки, связанные с недооценкой характера и степени общественной опасности (и, следовательно, уголовной релевантности) вышеупомянутых угроз, будут сведены к минимуму. В частности, фактор незначительной стоимости имущества потерпевшего, которое виновный угрожал уничтожить (повредить), при уголовно-правовой оценке содеянного должен быть сбалансирован аргументами, которые связаны с фактором субъективной (личной) ценности данного имущества для конкретного потерпевшего.

Список литературы

1. **Боровских Р. Н., Брашнина О. А.** Специальные виды хищения: вопросы терминологии и идентификации // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 71–80.
2. **Деревянская Т. П., Чернов Е. В.** Некоторые особенности квалификации неправомерного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 1. С. 340–347.
3. **Филиппов П. А.** Дискуссионные вопросы доктринального толкования и практики применения неправомерного завладения государственными регистрационными знаками транспортных средств (ст. 325.1 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1(104). С. 148–154.
4. **Чечель Г. И., Третьяк М. И.** Проблемы уголовно-правовой квалификации неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения

денежного вознаграждения // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №3. С. 129–134.

References

1. **Borovskikh R. N., Brashnina O. A.** Special types of theft: issues of terminology and identification. *Legal science and practice*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 71–80. (in Russ.)
2. **Derevyanskaya T. P., Chernov E. V.** Some features of the qualification of unlawful seizure of the state registration plate of a vehicle (Article 325.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 340–347. (in Russ.)
3. **Filippov P. A.** Controversial issues of doctrinal interpretation and practice of the unlawful seizure of state registration plates of vehicles (Article 325.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Eurasian Legal Journal*, 2017, no. 1 (104), pp. 148–154. (in Russ.)
4. **Chechel G. I., Tretyak M. I.** Problems of criminal law qualification of unlawful seizure of a vehicle registration number in order to receive monetary remuneration. *All-Russian Journal of Criminology*, 2013, no. 3, pp. 129–134. (in Russ.)

Информация об авторах

Боровских Роман Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Шмыгина Ольга Валерьевна, старший преподаватель Сибирского университета потребительской кооперации

Information about the Authors

Roman N. Borovskikh, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

Olga V. Shmygina, Senior Lecturer, Siberian University of Consumer Cooperation (SibUPK), Novosibirsk, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 05.07.2024

The article was submitted 22.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 05.07.2024